

Нашествие Европы

210 лет назад, 12 июня (ст. ст.) 1812 года, войска французского императора Наполеона Бонапарта численностью около 650 тыс. чел. вторглись в Россию – началась Отечественная война.

Мы часто говорим: французские солдаты, французские генералы, французская армия. Нет, это была война не Франции и России, а война объединённой Европы с Россией. Рейнский союз (вся Германия, кроме Пруссии) поставил в наполеоновскую армию 150 тыс., Пруссия – 36 тыс. Герцогство Варшавское (Польша) – 72 тыс., Австрия – 31 тыс. солдат, да ещё сколько-то Королевство Италия, Королевство Неаполь, Иллирия и т. д. Французы составляли чуть более половины численности армии.

Причинами нападения Наполеон назвал нарушение Россией условий Тильзитского мира (1807 г.), по которому та как союзница Франции должна была участвовать в «континентальной блокаде» Англии, а также сосредоточение у западных границ нескольких русских дивизий.

Что было, то было. Россия, действительно нарушила договор. Вынужденно примкнув к блокаде, она начала терпеть колоссальные убытки, поставившие её экономику и финансы на грань катастрофы: дефицит государственного бюджета рос по 125% в год, резко упал курс рубля, инфляция приобрела галопирующий характер – ведь на долю Англии приходилось до 50% внешнеторгового оборота страны. (Россия продавала сырьё, хлеб, сало и др. продукты питания, а также изделия типа канатов, выделанных кож и т.п., а ввозила хлопчатобумажные ткани, шерстяные изделия, краски, хлопок, вина и пряности. Хотя торговля была неравноправной, государству она всё равно давала выгоду.) По этой причине торговлю с Англией Россия попыталась возобновить через третьи страны, но Наполеона это решительно не устраивало.

Было и сосредоточение русских дивизий у границ Герцогства Варшавского (квазигосударства, созданного Наполеоном на отобранных у Пруссии и Австрии польских землях). Вызвано оно было опасением Александра I восстания поляков, которое могло перекинуться на западные русские губернии.

Была ещё личная обида Бонапарта. Его двукратные попытки породниться с царской династией были отвергнуты, поскольку сам он королевских кровей не имел, корону надел в результате переворота и императором считался, как сейчас говорят, нелегитимным.

Однако всё это были поводы, а не причина. Причина – в стремлении Наполеона установить полную гегемонию в Европе, чему мешала Российская Империя, мешала своим независимым существованием. Ещё в 1811 году он заявил: *«Через пять лет я буду владыкой всего мира. Остаётся одна Россия, – я раздавлю её...»*, а обращение к армии накануне вторжения завершилось словами: *«Война положит конец гибельному влиянию России, которая она в течение 50 лет оказывала на дела Европы»*.

В России на всё смотрели иначе. *«С давних пор Франция пытается посягать на самостоятельность России. Всегда мы пытались быть кроткими, полагая так отклонить ее попытки к захвату. При всем нашем желании сохранить мир, мы вынуждены собрать войска, чтобы защитить Родину. Нет никаких возможностей для мирного решения конфликта с Францией, а значит, остается только одно – защищать правду, защищать Россию от захватчиков. Мне не нужно напоминать полководцам и солдатам о храбрости, она в наших сердцах. В наших венах течет кровь победителей, кровь славян. Солдаты! Вы защищаете страну, защищаете религию, защищаете отечество. Я с Вами. Бог с нами!»*(Из приказа Александра I от 13 июня 1812 г.)

Чем же встретила Россия Наполеона? На северо-западном направлении располагалась 1-я армия генерала от инфантерии Михаила Богдановича Баркляя де Толли (он же – военный министр) численностью 120 тыс. чел., на западном направлении – 2-я армия генерала от инфантерии Петра Ивановича Багратиона численностью 49 тыс. чел., на юго-западном направлении – 3-я армия генерала от кавалерии Александра Петровича Тормасова численностью 58 тыс. чел. По числу «штыков и сабель» противник в 2,5 раза превосходил Русскую Армию, а по числу орудий – почти в 1,5 раза. Это – если не считать, что противник обладал колоссальным боевым опытом, и если не сравнивать полководческие дарования главнокомандующих – Наполеона и Александра I.

Русское командование быстро разгадало замысел Наполеона: разбить превосходящими силами части 1-й и 2-й армий поодиночке, поэтому начало планомерный отвод их для соединения. Панического бегства не было, был организованный отход с упорными арьергардными боями, в которых агрессору наносился немалый урон. И здесь надо отдать должное главнокомандующему. 14 июня (здесь и далее даты даны по ст. ст.) Александр приказал Багратиону вступить в бой с главными силами противника и измотать их. Императора убедили (смогли ведь убедить!) в невыполнимости приказа, и тот отменил его. С тех пор он не ставил перед командармами непосильных задач, не требовал «окружить и уничтожить» вырвавшиеся части противника, не требовал город Нили водный рубеж Z «удерживать любой ценой», хорошо понимая, что необоснованные приказы приводят к неоправданным жертвам и лишь ослабляют армию – и физически, и морально. В этой обстановке – обстановке доверия и нескованной инициативы – русские полководцы проявили весь блеск своих талантов.

Уже 3 июля пять полков 3-й армии ворвались в Герцогство Варшавское и захватили город Грубешов, другая часть этой армии 13 июля совершила дерзкий рейд в Брест-Литовск и уничтожила там два саксонских эскадрона, а 15 июля войска этой армии одержали первую в войне победу над врагом в открытом сражении под Кобрином – в плен попало 2 саксонских генерала вместе с командующим, 76 офицеров и 2382 солдата, убито около 2000 солдат и офицеров, захвачено 4 знамени и 8 орудий. Потери русских: 77 убитыми, 181 ранеными. После Кобринского разгрома Наполеон больше не предпринимал активных действий на южном фланге.

20 июля у деревни Клястицы (севернее Витебска) завершилось кровопролитное 3-дневное сражение русского корпуса генерала П. Витгенштейна из состава 1-й армии с тоекратно превосходящими по численности корпусами французских маршалов Удино и Макдональда. В сра-

жении погибло около 10 тыс. французских солдат и офицеров, попало в плен 912, почти полностью захвачен обоз. Русских потеряли убитыми 4300 человек. Эта победа закрыла противнику путь на Петербург.

3 августа 1-я и 2-я армия соединились под Смоленском и далее действовали под руководством Барклая, который был сторонником тактики затягивания противника вглубь страны и тактики «выжженной земли». Отводя свои войска (до получения нужного подкрепления), он отводил и местное население, сжигал посева, уводил скот, оставляя врага на «голодном пайке». Тактика эта вызвала негодование у придворного Петербурга, не покидавшего паркетных залов и желавшего ярких побед. Вызывала она протест и у многих боевых офицеров во главе с горячим Багратионом, считавших, что уклонение от генерального сражения роняет честь Русского оружия. Но, пожалуй, главное – она вызывала протест у самого Наполеона, возмущённого тем, что русские варвары воюют не по правилам.

4 августа началось сражение за Смоленск. Барклай и здесь остался верен себе, и здесь он не дал генерального сражения, к чему так рвался Наполеон. Опасаясь окружения, основные силы под руководством Багратиона главнокомандующий направил с целью удерживать дорогу на Москву (с чем тот блестяще справился), а в городе оставил арьергард – отряды Раевского и Неверовского. При огромном численном превосходстве врага русские войска сумели три дня удерживать город и даже выбить захватчиков из пригорода, а потом ночью организованно оставили его к удивлению проснувшегося противника. Потери с обеих сторон были примерно равными: по 6 – 7 тысяч убитыми.

Как показала последующий военно-исторический анализ, тактика Барклая была единственно верной, но в то время она встречала только осуждение в русском обществе (прежде всего, в самой армии), а после отступления из Смоленска главнокомандующего стали обвинять не только в трусости, но даже в измене (чему способствовало и его шотландско-немецкое происхождение).

17 августа в армию прибыл новый главнокомандующий – генерал от инфантерии (с 26 августа генерал-фельдмаршал) М.И. Кутузов, пользовавшийся огромным авторитетом как лучший русский полководец после Суворова. Фактически он поддерживал тактику Барклая, понимая, что время работает на Россию – наша армия, имея партизан в тылу противника, а в резерве формирующееся 400-тысячное народное ополчение, крепла; наполеоновская, занятая не только боями, но грабежами и мародёрством, слабела физически и морально. Он писал в те дни: *«Вопрос ещё не решён – или армию потерять (имея в виду не в меру горячих патриотов, желавших дать решительный бой, – В.Г.), или Москву отдать».*

Михаил Илларионович был не только гениальным полководцем, но и мудрым политиком (не зря он выполнял сложнейшие дипломатические поручения). *«Всё приходит вовремя для того, кто умеет ждать»*, – говорил он. Главнокомандующий видел, что противник ещё обладает большим превосходством и генеральное сражение давать рано, но не считаться с мнением армии и двора не мог и, скрепя сердце, согласился дать бой у деревни Бородино.

Произошло это самое кровопролитное в истории однодневное сражение 26 августа (в XXI веке приходится на 8 сентября). Потери каждой стороны убитыми и ранеными были примерно равными. Среди погибших был и Багратион. И хотя каждая сторона приписывала себе победу, а фактически сражение закончилось «вничью». Наполеону не удалось достичь главного – разгромить Русскую Армию. Та потеряла 30% своего состава, в то время как у Наполеона ещё оставался 18-тысячный резерв, потому от продолжения битвы Кутузов отказалась и ночью отвёл армию за Можайск.

1 сентября в деревне Фили он собрал своих генералов на совет: что делать дальше? Отступить и оставить Москву или дать ещё одно генеральное сражение? Большинство высказалось за второй вариант, а генерал Беннигсен даже наметил место сражения (признанное генералом Ермоловым крайне неудачным). Закончился военный совет словами Кутузова: *«Пока есть армия – есть надежда. Потеряем армию под Москвой – лишимся не только древней столицы, но и всей России»*. Поддержал его только один Барклай де Толли.

Как встретила Наполеона Москва, хорошо известно. Французский император быстро понял, что оказался в ловушке – уже 18 сентября Александру I было доставлено его письмо с предложением о мире. От России он требовал только отдать Литву и вернуться к континентальной блокаде, но ответа не получил. 20 сентября в Петербург было доставлено второе письмо с аналогичными предложениями. Ответа тоже не было. Наконец, 4 октября он пишет послание уже Кутузову с просьбой: *«...только честь спасите!»*. Но и здесь ответа не было.

С этого времени началось подгоняемое Кутузовым бегство «Великой армии», которое завершилось 14 декабря изгнанием ее остатков. 12 июня русскую границу перешли 650 тысяч захватчиков, а через полгода в обратном направлении – чуть более 20 тысяч. Остальные погибли в боях, от рук партизан и ополченцев, от голода и холода. Повезло попавшим в плен «французикам из Бордо». Они стали гувернёрами и учителями дворянских детей, которые, как известно, французский должны были знать лучше, чем русский.

Отечественная война закончилась. Начался Заграничный поход Русской Армии, продолжавшийся два года. Кутузов был против этого похода, считая, что русская кровь будет пролита не в интересах России, а в интересах Англии и Австрии, но переубедить Александра I не мог – тому хотелось добить своего личного врага и въехать в Париж на белом коне (см. https://ruskline.ru/news_rl/2020/12/02/blagoslovennyi_imperator).

Фельдмаршал оказался прав. За время похода потери Русской Армии вдвое превысили её потери в Отечественной войне. Кроме того, огромные дополнительные военные расходы легли тяжким бременем для разорённой страны и истощённой казны. Наконец, плодами русской победы больше всего воспользовались Австрия, Пруссия и, конечно же, Англия.

В 1813 году М.И. Кутузов возглавил союзные русско-пруссские войска, но случившейся простуды и предшествующего напряжения сил его организм не выдержал – Михаил Илларионович скончался в возрасте 67 лет в прусском городе Бунцлау (ныне Болеславецв Польше). Полтора месяца гроб с его забальзамированными останками двигался к Петербургу. В пяти верстах от города лошадей выпрягли, и народ на своих плечах нёс гроб до самого Казанского собора, где великий полководец был торжественно похоронен.

Академик Е.В. Тарле писал о фельдмаршале: *«Победитель Наполеона, спаситель России, кумир народа, он мог чувствовать себя минутами гораздо более царем, чем Александр. Приказы Кутузова исполнялись по всей России самым ревностным образом... Кутузов прежде всего был русским патриотом. Там, где речь шла о России и её военной чести, о русском народе и его спасении, – там Кутузов был всегда несокрушимо твёрд и умел поставить на своём. Умел даже резко и публично оборвать царя, как он это сделал с Александром в день Аустерлица... Кутузов жил для России и служил России»*.

Валерий Габрусенко